

Анна Шилд
Ада Огнева

РУССКИЙ
ENGLISH
FRANÇAIS
DEUTSCH

МАЖОР

НА СПОР

С ПЕРЕВОДЧИЦЕЙ

Ада Огнева
Анна Шилд

Мажор на спор с переводчицей

<https://litres.ru/74515579>

SelfPub; 2026

Аннотация

Надежда Лебедева привыкла спасать международные переговоры, а не избалованных мажоров. Но работать ей поручают с Романом Соколовским — дерзким светским атташе, который превращает любое задание в проверку её выдержки. Он привык получать внимание и побеждать в спорах. Она не собирается становиться ничьим трофеем. Между архивными ящиками, дипломатическими секретами и язвительными перепалками всё труднее сохранять деловой тон. На кону фамильные часы, репутация и переговоры, которые нельзя сорвать. Только Надежде ещё предстоит узнать, какую роль во всём этом отвели её чувствам.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	58
Глава 8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Анна Шилд
Мажор на спор
с переводчицей

Мажор на спор с переводчицей

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Красный огонек индикатора на пульте переводчика горел ровным, немигающим рубиновым светом.

В замкнутом пространстве звукоизолированной кабины этот крошечный диод казался глазом настороженного хищника. Он безмолвно напоминал каждому, кто надевал тяжелые профессиональные наушники, простое и суровое правило дипломатического фронта. Пока горит лампа, ты не имеешь права на кашель, на случайный вздох, на запинку или на человеческую слабость. Твой голос в эту самую секунду льется в сотни приемников под сводами Колонного зала Дома союзов, звучит в ушах послов, министров, глав правительственных делегаций и статс-секретарей. Любая небрежность здесь моментально превращается в международный инцидент, а неверно выбранное слово способно развязать войну амбиций или похоронить соглашение, над которым два года трудились целые министерства.

Я поправила кожаное оголовье наушников, ощущая привычное, слегка ноющее давление мягких амбушюров на виски.

В воздухе кабины стоял знакомый с юности запах. Нагретый трансформаторный лак трансляционного пульта, сухой пластик микрофонных стоек, едва уловимый аромат крепкого зеленого чая из моей походной термокружки и терпкий дух бумажных страниц. Перед моими глазами лежал раскрытый блокнот для синхронной скорописи на прочной металлической спирали. Листы были уже наполовину исчерканы стремительными сокращениями, стрелками смысловых переходов и лаконичными знаками логических связей, кото-

рые я наносила чернильной ручкой с тончайшим стальным пером. Рядом стоял граненый стакан с теплой негазированной водой. Холодная вода моментально сковывает голосовые связки, а пузырьки углекислоты для синхрониста равны профессиональному самоубийству.

За двойным стеклопакетом кабины, расположенной на специальном техническом балконе второго яруса, во всем своем торжественном величии расстился легендарный зал.

Белоснежные коринфские колонны из полированного искусственного мрамора взмывали к лепному потолку, поддерживая залитые золотом карнизы. С гигантских хрустальных люстр мириадами радужных искр струился ослепительный свет. Внизу, за П-образными столами из массива мореного дуба, выстроились ряды делегаций двадцати государств. Строгие темные костюмы, шелковые галстуки, золоченые таблички с названиями стран на двух государственных языках, блокноты с государственными гербами и мерный, почти неслышимый шелест страниц итоговых коммюнике. По периметру зала замерли офицеры службы безопасности с микроскопическими прозрачными воздуховодами за ушами, а в дальнем углу возле лепных порталов дежурила россыпь репортеров центральных телеканалов, объективы чьих тяжелых телекамер были нацелены на центральную трибуну.

Шел третий час утреннего пленарного заседания саммита по трансграничному культурному сотрудничеству и защите

архивного достояния.

Справа от меня за пультом сидел Аркадий Семенович. Мой наставник, живая легенда департамента лингвистического обеспечения, человек, начинавший переводить еще в последние советские годы. Его седая львиная грива была слегка всклокочена, а поверх толстых очков с роговой оправой нависали густые седые брови. Аркадий Семенович методично, с размеренностью швейцарского механизма нажимал кнопку кашля, делал микроскопический глоток из своей чашки и передавал мне очередность вещания.

Правило синхронного перевода высшей категории не знает исключений. Человеческий мозг не способен выдерживать пиковую нагрузку дольше двадцати минут непрерывной речи.

Когда ты работаешь в синхроне, твое сознание расщепляется на три параллельных, изолированных друг от друга потока. Первый поток слушает чужую речь на иностранном языке, мгновенно разбирая ее на кирпичики понятий, вылавливая идиомы, прецизионную информацию, даты и скрытые подтексты. Второй поток на бешеной скорости перестраивает эти конструкции в грамматический строй родной речи, подбирая единственно верные эквиваленты с учетом этикета и стилистического регистра. Третий поток строго контролирует собственную артикуляцию, тембр, интонацию и дыхание, следя за тем, чтобы в эфир не просочились ни паника, ни растерянность.

Синхронист живет в крошечном временном зазоре между прошлым и будущим. Мы называем это святым словом декаляж.

Декаляж представляет собой отставание переводчика от оратора на две, три, максимум четыре секунды. Ты не имеешь права бежать впереди выступающего, пытаешься угадать финал предложения. Немецкий дипломат может поставить отрицание в самый конец длинного абзаца из пятидесяти слов, а француз способен спрятать ядовитую иронию за изящной многоэтажной метафорой. Если ты поторопишься, ты исказишь смысл. Если отстанешь больше чем на фразу, лавина чужой речи накроет тебя с головой, память переполнится, и ты захлебнешься в потоке звуков.

— Надя, готовность тридцать секунд, — одними губами, почти беззвучно произнес Аркадий Семенович, мягко тронув меня за локоть.

Я коротко кивнула, не отрывая взгляда от центрального сектора стола переговоров.

Мои пальцы легли на тумблер переключения канала. Я подвинула блокнот под правую руку и нашла глазами седьмой пункт повестки. Сердце стукнуло так сильно, что дрогнул кончик пера. Следующую цифру я записала уже разборчиво. Пять лет в институте иностранных языков, аспирантура и три года выездных форумов научили меня входить в работу даже с колотящимся сердцем.

— Французский блок, пункт седьмой повестки, — шеп-

нул наставник, пододвигая ко мне папку с предварительным текстом резолюции. — Вопрос о совместной инвентаризации перемещенных архивных фондов и полотен девятнадцатого века. Французы нервничают. Их казначейство выставило претензии по страховым оценкам. Держи ухо востро, де ла Рош любит цитировать классиков и говорить намеками.

— Справляюсь, Аркадий Семенович, — так же тихо ответила я, проверяя уровень входящего сигнала в наушниках.

На трибуну президиума неторопливо поднялся чрезвычайный и полномочный посол Французской Республики граф Анри де ла Рош.

Это был высокий, сухощавый аристократ с безупречно подстриженной серебристой бородкой клинышком, одетый в темно-серый двубортный костюм старинного парижского кроя. В его петлице алела розетка ордена Почетного легиона. Он положил на наклонную плоскость трибуны тонкую кожаную папку, поправил золотое пенсне и мягким, обволакивающим, но невероятно въедливым голосом начал произносить вступительную формулу.

Я щелкнула тумблером. Рубиновый огонек вспыхнул ярче.

Декаляж включился автоматически. В моих наушниках звучала неторопливая, витиеватая французская речь посла, а мои губы спустя ровно три секунды уже чеканили безупречные фразы на чистейшем государственном языке дипломатии —

— Господин председатель, уважаемые коллеги. Делегация Французской Республики выражает глубокую признательность принимающей стороне за высокий уровень организации столь представительного форума...

Моя правая рука летала по блокноту со скорописью, фиксируя цифры, даты ратификации конвенций и ссылки на статьи двустороннего договора. На длинном перечне дат я опустила голос, отделяя одну от другой. Аркадий Семенович убрал палец с резервной клавиши и откинулся в кресле: подхватывать меня пока не требовалось.

Французский посол говорил красиво, убаюкивающе, искусно обходя острые углы. Он подводил аудиторию к самой болезненной части доклада. К механизму передачи прав на взаимный доступ к архивным описям старинных усадебных коллекций. Речь шла о бесценных полотнах европейских мастеров, вывезенных в годы великих потрясений, и юридическая чистота формулировок здесь решала судьбу сотен миллионов евро.

В зале стояла благоговейная, напряженная тишина, нарушаемая лишь щелканьем затворов репортерских камер и шорохом перелистываемых документов.

И именно в эту минуту, когда градус дипломатического напряжения достиг наивысшей точки, тяжелая боковая дверь президиума с тихим стуком распахнулась.

Глава 2

В проеме высокой двери, обрамленной резным дубом и позолотой, появился человек, чье присутствие в этом зале ощущалось так же естественно и вместе с тем вызывающе, как появление породистого хищника на выставке фарфоровых кукол.

Это был Роман Соколовский.

Атташе департамента государственного протокола, люби-

мец столичной богемы, бессменный герой светских телеграм-каналов и по совместительству единственный сын заместителя министра иностранных дел. Ему было около двадцати восьми лет, и весь его облик буквально кричал о безграничной, с детства привитой безнаказанности и уверенности в том, что весь окружающий мир существует исключительно для его личного увеселения.

На нем был надет безупречно подогнанный по фигуре костюм-тройка глубокого сапфирового оттенка из тончайшей английской шерсти. Ослепительно-белая сорочка ручной работы с высоким воротником, заколотым золотой булавкой, темный шелковый галстук с нарочито небрежной складкой под узлом и сияющие зеркальным блеском оксфорды из патинированной кожи. На широком запястье холодным благородным золотом поблескивал массивный фамильный хронометр марки «Бреге» с открытым турбийоном и вечным календарем. Часы редчайшей ручной работы, стоившие как просторная квартира в историческом центре Москвы.

Роман прошел по паркету с ленивой, кошачьей грацией. Даже возле работающих камер он позволил себе задержаться, поправляя манжету.

В руках он небрежно держал тонкую сафьяновую папку с государственным тиснением. За его спиной почтительно семенили двое молодых стажеров протокольного отдела, испуганно косившихся на ряды иностранных дипломатов. Соколовский даже не удостоил взглядом представителей прес-

сы. Он подошел к столу президиума, вальяжно отодвинул стул по правую руку от заместителя министра культуры и с нескрываемой скукой на красивом, холеном лице окинул взглядом ряды слушателей.

Его темные, почти черные глаза искрились ленивым высокомерием. Тонкие губы тронула едва заметная, кривоватая усмешка человека, которому осточертели официальные церемонии.

Французский посол тем временем подошел к кульминации своего выступления. Граф де ла Рош положил сухие ладони на край трибуны, сдвинул золотое пенсне на кончик носа и повысил голос, придавая своей речи подчеркнутую весомость —

— Таким образом, правительство Французской Республики настаивает на безусловном приоритете взаимного обмена архивными описями и признании за нашими экспертами права решающего голоса при формировании каталога спорных реликвий. Мы полагаем, что только подобная открытость позволит избежать досадных недоразумений и докажет зрелость двустороннего диалога.

В зале повисла тяжелая, гулкая пауза.

Это было прямое дипломатическое давление. Французская сторона пыталась продавить односторонний доступ к закрытым фондам, замаскировав свои амбиции под благородную заботу о европейском наследии. Наша делегация нахмурилась. Заместитель министра культуры переглянулся со

статс-секретарем, ища взглядом протокольную справку с выверенной формулировкой ответа.

Именно Роман Соколовский должен был передать руководству согласованный текст официального разъяснения, снимающий напряжение и уводящий спор в русло межведомственных экспертных комиссий.

Вместо этого господин атташе решил устроить собственный маленький бенефис.

Он медленно выпрямился в кресле, поправил манжеты с золотыми запонками и наклонился к установленному на столе микрофону президиума. Его движение было столь внезапным и небрежным, что пожилой статс-секретарь даже не успел поднять ладонь, чтобы остановить ретивого мажора.

Роман нажал кнопку включения канала связи. На настольной микрофонной стойке загорелся контрольный диод.

А затем, глядя прямо в глаза опешившему французскому послу, атташе с нарочитым парижским прононсом и ленивой, глумливой интонацией светского бездельника произнес фразу на чистейшем французском уличном аргю —

— Месье де ла Рош, ваши высокородные претензии смахивают на ужимки разорившихся маркизов, которые пытаются сбуть дырявые фамильные панталоны на блошином рынке в предместье Клиньянкур под видом королевского бархата. Если вам не хватает бюджета на реставрацию собственных картин, так и скажите прямо, мы подадим вам медный грош из вежливости.

Звук его голоса, усиленный мощными акустическими колонками, гулким, раскатистым эхом ударил под своды Колонного зала.

В огромном зале наступила мертвая, кладбищенская тишина.

Такой тишины эти исторические стены не слышали со времен Карибского кризиса. Офицеры протокола у входных дверей оцепенели с побелевшими лицами. Заместитель министра культуры судорожно схватился за воротник своей сорочки, словно ему внезапно перекрыли доступ к кислороду. Французские советники и атташе первого ранга за столом напротив синхронно выронили золотые перьевые ручки на полированный дуб.

Посол Франции граф Анри де ла Рош медленно, словно во сне, снял пенсне с переносицы.

Лицо посла пошло багровыми пятнами. Он сдвинул папку к самому краю трибуны. Один из французских советников уже приподнялся с кресла и посмотрел на дверь. Я увидела, как статс-секретарь протянул руку к нашему микрофону, — поздно. Слова прозвучали. Еще мгновение, и французская делегация встанет, а камеры снимут ее уход.

Роман Соколовский между тем с невозмутимым видом откинулся на спинку кресла.

На его холеном лице играла все та же наглая, самодовольная усмешка. Он явно упивался эффектом разорвавшейся бомбы, уверенный, что его высокопоставленный отец в оче-

редной раз закроет глаза на шалость любимого сыночка и замнет инцидент телефонным звонком на самом высоком уровне.

В нашей стеклянной кабине на балконе второго яруса воздух в это мгновение превратился в раскаленный свинец.

Аркадий Семенович с глухим хрипом схватился за левую сторону груди. Его лицо стало блее свежее листа бумаги, очки соскользнули на самый кончик носа.

— Он с ума сошел... — выдохнул наставник пересохшими губами, и в его голосе звенел неподдельный, парализующий ужас. — Надя... Это конец. Катастрофа. Он похоронил протокол...

Внутри меня словно лопнула тугая стальная пружина, наполнив вены чистым, обжигающим жидким льдом.

Это было то самое состояние запредельной профессиональной мобилизации, которое в нашей среде называют боевым трансом синхрониста. Время за стеклом замедлило свой ход, превратившись в густую прозрачную смолу. Я видела, как внизу застыли в немом ужасе десятки людей, видела, как багровеет шея французского посла, видела, как самодовольно ухмыляется Соколовский, уверенный в своей безнаказанной дерзости.

Секундная стрелка на настенном циферблате Колонного зала совершила ровно два тяжелых, размеренных щелчка.

Две секунды. Закон декаляжа. Это было все время, которое подарила мне судьба, чтобы предотвратить дипломати-

ческую катастрофу национального масштаба.

Если бы я растерялась, если бы повторила вслед за самодовольным атташе его площадное аргю про блошиный рынок, дырявое белье и медные гроши, соглашение было бы мертво через десять секунд. Граф де ла Рош демонстративно защелкнул бы замки своей кожаной папки, поднялся с трибуны и вместе со всей делегацией покинул зал под прицелом десятков телекамер. За этим последовал бы грандиозный международный скандал, экстренное заседание коллегии министерства, слезы наших кураторов и крушение дела, ради которого дипломаты и историки работали последние два года.

Посол слышал оригинал и прекрасно понимал оскорбление. Перевод уже ничего не мог стереть. Но я могла предложить ему другую публичную версию — такую, которую он согласится принять, чтобы сохранить переговоры. Оставалось угадать, захочет ли он воспользоваться этим выходом.

Я не позволила катастрофе свершиться.

Мой палец с силой вдавил клавишу активного микрофона. Рубиновый диод на пульте вспыхнул яростным, нестерпимым светом.

Я сделала глубокий, размеренный вдох нижней частью диафрагмы, удерживая гортань в идеальном расслабленном состоянии. Мой голос ворвался в приемники французской делегации ровно, кристально чисто, с безупречной парижской фонетикой высочайшего дипломатического регистра,

от которого веяло вековыми традициями версальского двора и набережной Кэ д'Орсе —

— Господин посол, господа эксперты. Представитель государственного протокола с присущей молодому поколению дипломатов образностью обращает наше общее внимание на тонкую историческую параллель. Подобно тому как в эпоху великих просветителей истинные хранители наследия берегли даже малейшие раритеты провинциальных собраний от сиюминутной суеты публичных торгов, так и сегодня наша сторона призывает высокое собрание к максимальной деликатности и взаимному уважению при оценке уникальных фондов. Мы убеждены, что благородное терпение и взаимная бережность высоких договаривающихся сторон стоят неизмеримо выше любых сиюминутных меркантильных расчетов.

На словах о взаимной бережности я посмотрела прямо на посла. Теперь выбор был за ним.

Слова про маркизов и рынок еще стояли у меня в ушах. Я удержала аллюзию на прошлое, но вывела ее к уважению к чужому наследию. На бумаге такая вольность стоила бы мне выговора. Сейчас я смотрела на руку де ла Роша: закроет он папку или останется у трибуны?

В наушниках французских дипломатов мои слова прозвучали как образец утонченного государственного красноречия.

Я видела сквозь толстое стекло, как граф Анри де ла Рош,

уже готовый бросить на трибуну свое пенсне и объявить демарш, внезапно замер на полудвижении.

Звук моего перевода полился в его персональный наушник бархатной, умиротворяющей волной. На благородном лице старого дипломата отразилась сложнейшая гамма чувств. Сначала глубокое изумление, затем профессиональное недоверие, а затем морщины на его высоком челе начали медленно разглаживаться. Посол медленно вернул пенсне на переносицу. Он перевел взгляд с замершего стола президиума на балкон технического яруса, безошибочно отыскав взглядом темное окно нашей кабины.

На тонких губах старого графа расцвела сдержанная, но глубокая, истинно французская улыбка знатока и ценителя высокой словесной игры.

Посол задержал взгляд на нашей кабине и чуть склонил голову. Я вцепилась в край блокнота: он принимал предложенный выход.

Де ла Рош положил руку на край трибуны, с достоинством наклонил голову и громко, внятно произнес в микрофон на чистейшем французском языке —

— Делегация Французской Республики высоко ценит столь глубокое понимание исторического контекста и благородный тон принимающей стороны. Мы с радостью принимаем это замечательное приглашение к совместной бережности и готовы утвердить проект седьмой статьи в предложенной редакции прямо сейчас.

Зал взорвался гулками, раскатистыми аплодисментами.

Заместитель министра культуры облегченно вытер лоб шелковым платком, бросив на президиум взгляд человека, чудом избежавшего гильотины. Иностранные советники закивали, журналисты на галерке торопливо застрочили в блокнотах, фиксируя долгожданный дипломатический прорыв. Статс-секретарь с размаху поставил гербовую подпись под итоговым протоколом раунда.

Переговоры были спасены. Репутация ведомства осталась незапятнанной.

Я щелкнула тумблером, гася красный огонек микрофона.

И только тогда поняла, что все мое тело сотрясает мелкая, неудержимая дрожь. Ладони были холодными как лед, сердце колотилось о ребра тяжелыми ударами отбойного молотка, а пальцы так яростно сжимали металлическую спираль блокнота, что острие тонкой проволоки впилось в подушечку указательного пальца до крошечной капельки крови.

Глава 3

Справа от меня шумно, со всхлипом перевел дыхание Аркадий Семенович.

Старый синхронист снял очки, дрожащими руками протер запотевшие стекла и посмотрел на меня взглядом, в котором читалось благоговейное восхищение вперемешку с ужасом.

— Наденька... — прошептал он сдавленным, сиплым голосом, качая седой головой. — Наденька, деточка... Ты не просто спасла саммит. Ты только что совершила профессиональный подвиг. За три секунды превратить хамскую помойную брань в стилистику Шарля Мориса де Талейрана... Я больше тридцати лет сижу в этих кабинах, но такого пилотажа еще не видел.

— Спасибо, Аркадий Семенович, — тихо выдохнула я, чувствуя, как горячая кровь заливает щеки.

Я едва слышала похвалу. Внизу Соколовский уже тянул руку за поздравлениями.

В глубине моей груди, вытесняя шок и остатки адреналинового ступора, поднималась темная, клокочущая, беспощадная женская и профессиональная ярость.

Я перевела взгляд вниз.

Там, за столом президиума, господин атташе Роман Соколовский как ни в чем не бывало принимал поздравления кол-

лег с успешным завершением сложного раунда. Он вальяжно пожимал руки советникам, картинно оправлял лацканы своего сапфирового блейзера и лениво поглядывал на массивный золотой циферблат «Бреге» на запястье, словно все произошедшее было исключительно его личной заслугой.

Этот сытый, обнаглевший от безнаказанности мажор даже не осознал, по какому краю пропасти он только что протаскил всех нас. Он рискнул трудом десятков преданных своему делу людей ради минутной прихоти покрасоваться перед залом.

— Объявляется протокольный перерыв на сорок минут для подготовки к подписанию меморандума, — разнесся под сводами голос ведущего заседание.

Дипломаты зашевелились, поднимаясь со своих мест и направляясь к выходу в мраморные фойе.

Я медленно сняла с головы тяжелые наушники, аккуратно положила их на полированную консоль пульта и поднялась с рабочего кресла. Провод зацепился за край блокнота. Я высвободила его по одному витку, чтобы сейчас ничего не сломать.

— Надя, ты куда? — встревоженно окликнул меня наставник, заметив выражение моих глаз.

— Мне нужно подышать свежим воздухом, Аркадий Семенович, — ответила я, глядя на дверную ручку. — И выпить стакан воды.

Я толкнула тяжелую звукоизолированную дверь кабины и

вышла на служебную лестницу, ведущую вниз, в центральную мраморную галерею Колонного зала.

Широкая мраморная галерея второго этажа гудела приглушенным, многоголосым светским шумом.

Здесь, под сводами высоких арочных окон, выходящих на Большую Дмитровку, стоял терпкий аромат дорогого свеже-сваренного кофе, тонкий шлейф селективного парфюма и сухой шелест бумаг. Официанты в белоснежных перчатках бесшумно лавировали между гостями, разнося на тяжелых серебряных подносах фарфоровые кофейные пары и хрустальные бокалы с ледяной минеральной водой. Дипломаты

разных рангов сбивались в тесные группы, обсуждая неожиданный триумф утреннего раунда и наперебой хваля тонкость финального компромисса.

На повороте я замедлила шаг. Если сейчас встретится Соколовский, сначала нужно дать ему открыть рот. Услышать, хватит ли у него совести хотя бы поблагодарить.

На мне был надет мой привычный рабочий комплект. Строгий графитовый брючный костюм из тонкой шерсти, шелковая блузка кремового оттенка, застегнутая на все пуговицы до самого горла, и классические кожаные лодочки на среднем каблуке. Никаких украшений, кроме крошечных серебряных сережек-гвоздиков и тонкого кожаного ремешка простых механических часов на запястье. Мои темно-русые волосы были уложены в безупречный, идеально гладкий тугой узел на затылке. Ни один волосок не выбивался из этой строгой прически, служившей мне надежным щитом в мире официального этикета.

Я подошла к стойке с напитками, взяла высокий стакан с минеральной водой и сделала три неторопливых глотка, остужая пылающее горло.

И в этот момент в отражении огромного настенного зеркала в золоченой раме я увидела его.

Роман Соколовский стоял в центре галереи возле массивной балюстрады из белого уральского мрамора, вальяжно прислонившись бедром к резным перилам. Вокруг него уже собралась его постоянная свита. Двое лощеных советни-

ков из протокольного управления, щеголеватый третий секретарь посольства в блестящем костюме и несколько молодых практиканток из дипломатической академии, которые смотрели на мажора снизу вверх с нескрываемым благоговением.

Атташе держал в руке бокал с водой, покачивая его с ленивой грацией хозяина жизни. На его холеных губах блуждала самодовольная, сытая улыбка победителя.

Поймав в зеркале мой взгляд, Роман оживился. Его темные глаза насмешливо блеснули, он что-то вполголоса шепнул своим приятелям, вызвав подобострастные смешки окружения, небрежно отставил бокал на проходящий мимо поднос и размашистой походкой направился прямо ко мне.

Свита двинулась следом, предвкушая очередное светское развлечение своего негласного лидера.

Дипломаты, стоявшие поблизости, начали невольно притихать, чувствуя назревающее столкновение. Разговоры в этой части галереи смолкли, звон фарфора сделался отчетливее.

Соколовский остановился в двух шагах от меня. Он бесцеремонно, с откровенным мужским пренебрежением окинул взглядом мой строгий костюм, задержался на гладкой прическе и насмешливо вскинул темную соболиную бровь. От него волной повеяло терпким, породистым ароматом удового дерева, выдержанного табака и шафрана.

— А я смотрю, наши невидимые бойцы микрофонного

фронта умеют не только сидеть мышками в темных каморках, но и выходить на свет, — произнес он низким, бархатным баритоном, в котором звенела невыносимая барская снисходительность. — Признаться, я приятно удивлен, барышня. Для девочки из стеклянной будки вы на удивление ловко подпели моей маленькой импровизации на трибуне. Голос в наушниках звучал весьма недурно. Бархатный тембр, приличная дикция. Хотя могли бы добавить чуть больше живости и не так сильно затягивать корсет протокольной чопорности. Французам явно пошел на пользу мой легкий парижский перчик.

Его дружки за спиной дружно захихикали, смакуя остроту своего патрона. Молоденькая практикантка ядовито улыбнулась, оценивающе скользнув взглядом по моим скромным лодочкам.

Внутри меня всколыхнулась такая чистая, ледяная и совершенная ярость, какой я не испытывала, пожалуй, никогда в жизни.

Пульс под тонкой тканью кремовой блузки глухо ударил в ключицы. Пальцы сжались на стекле стакана, но рука осталась абсолютно неподвижной. Я не отвела взгляда. Я медленно подняла голову и посмотрела прямо в насмешливые карие глаза самовлюбленного атташе.

Мой взгляд был настолько прямым, беспощадным и холодным, что ухмылка на красивом лице Романа на мгновение дрогнула.

Я неторопливо поставила стакан на круглый столик позади себя. Звон стекла о мрамор прозвучал в повисшей тишине словно щелчок взведенного оружейного затвора.

Затем я расправила плечи и заговорила.

Я произнесла обращение так, чтобы его услышала и свита. Смех за спиной Соколовского стих; у дальнего окна повернул голову статс-секретарь.

— Во-первых, господин атташе, я вам не барышня и не девочка из будки. Моя должность называется старший синхронный переводчик высшей категории департамента лингвистического обеспечения. Мое имя Надежда Николаевна, и если в вашем элитном семейном кругу забыли правила субординации, я настоятельно рекомендую вам ознакомиться со штатным расписанием министерства, на шее которого вы так беззаботно катаетесь.

Улыбка со свиты Соколовского слетела в ту же секунду, словно ее сдуло порывом полярного ветра.

Глаза Романа изумленно расширились. Он явно не ожидал подобного начала. В его благополучной жизни женщины из обслуживающего персонала так с ним не разговаривали никогда.

Но я даже не подумала остановиться. Моя речь полилась как свирепый, хирургически точный поток раскаленной стали —

— Во-вторых, то, что вы называете своей импровизацией и парижским перчиком, на языке нашей работы назы-

вается предельно однозначно. Это вопиющая должностная некомпетентность, граничащая с профессиональным вредительством и хулиганством. Вы в открытый микрофон на глазах у двадцати официальных делегаций допустили площадную брань в адрес чрезвычайного и полномочного посла суверенной державы. Вы поставили под угрозу срыва двухлетний труд сотен специалистов только ради того, чтобы потешить собственное гипертрофированное эго и выпендриться перед своими карманными стажерами.

Роман сделал резкий шаг вперед. Его холеные щеки начали стремительно наливаться густым, темным багрянцем.

— Ты что себе позволяешь, переводчица? — процедил он сквозь зубы, понизив голос до опасного, вибрирующего рычания. — Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь? Одно мое слово твоему начальству, и ты до конца своих дней будешь переводить технические паспорта к дизельным генераторам на складе в Южном Бутово!

Я сделала встречный шаг, сократив дистанцию так, что между нашими лицами осталось едва ли полметра.

— Прекрасно понимаю, господин Соколовский, — отчеканила я, глядя ему прямо в зрачки с абсолютным, сокрушительным презрением. — Я разговариваю с ленивым, невоспитанным мажором, который путает государственную службу с прогулкой по ночным клубам Патриарших прудов. И третьих, раз уж вы посмели рассуждать о французском языке, открою вам горькую правду. Ваше произношение омер-

зительно. Ваш хваленый парижский прононс звучит как речь подвыпившего портового грузчика из марсельских трущоб. В своей короткой фразе из двух предложений вы умудрились допустить три грубейшие стилистические ошибки, перепутали сослагательное наклонение с изъявительным и продемонстрировали такое дремучее невежество в дипломатическом этикете, за которое на первом курсе профильного факультета выгоняют с экзамена без права пересдачи.

В мраморной галерее наступила такая тишина, что было слышно, как гудит вентиляция под потолком.

Советники из протокола за спиной Романа буквально окаменели. Молоденькая практикантка испуганно втянула голову в плечи, пряча глаза. Стоявший неподалеку статс-секретарь с неподдельным, искренним наслаждением прикрыл ладонью рот, пряча торжествующую ухмылку старого аппаратного волка.

А Роман стоял передо мной совершенно белый, словно высеченный из куска гипса.

Его челюсти сжались с такой силой, что на скулах ходунном заходили тяжелые, каменные желваки. Руки в карманах сапфирового блейзера сжались в кулаки с такой яростью, что ткань натянулась до предела. В его темных глазах полыхал неподдельный, дикий, безумный огонь оскорбленного мужского и кастового самолюбия. Женщина из параллельного рабочего мира только что публично, перед десятками коллег и подчиненных, сорвала с него лощеный павлиний хвост и

растерла в пыль его статус непререкаемого светского льва.

— И последнее, господин атташе, — негромко, но с уни-
чтожающей отчетливостью добавила я, глядя на его переко-
шенное лицо. — Если бы не те самые невидимые мышки в
стеклянных каморках, над которыми вы изволили глумить-
ся, ваше сегодняшнее выступление закончилось бы вовсе не
праздничным фуршетом. Оно завершилось бы немедленным
увольнением со службы по статье о служебном несоответ-
ствии. Так что в следующий раз, прежде чем открывать рот
на трибуне, трижды подумайте, найдется ли рядом человек,
способный прикрыть вашу вопиющую безграмотность. Все-
го доброго.

Я развернулась на каблуках с царственным достоинством
хозяйки положения и неторопливо пошла по галерее к слу-
жебному выходу.

Моя спина была идеально прямой. Каблуки моих туфель
сухо и звонко цокали по полированному паркету.

За моей спиной стояла оглушительная, мертвая тишина,
которая спустя пару секунд взорвалась приглушенным, сдав-
ленным шепотом и десятками сдерживаемых смешков. Со-
коловский остался стоять посреди мраморного зала, уничто-
женный, раздавленный и опозоренный на глазах у всей ди-
пломатической Москвы.

Глава 4

Тогда, поздним вечером того же дня, возвращаясь в свою скромную однокомнатную квартиру на Шаболовке в пустом вагоне кольцевой линии метро, я еще не подозревала, какая циничная и опасная мужская игра развернулась за моей спиной в самом сердце ночной столицы.

Я сидела у темного окна поезда, прислонившись разгоряченным лбом к прохладному стеклу, и безуспешно пыталась унять гудящую в висках усталость. Перед моими глазами все еще стояло побелевшее от ярости лицо Соколовского и его сжатые кулаки в карманах сапфирового блейзера. В душе шевелилась смутная тревога. Я знала нравы золотой молодежи. Знала, что уязвленное самолюбие таких людей не прощает публичных пощечин. Но я и представить не могла, до какой изощренной подлости способна дойти жажда реванша.

Лишь много недель спустя, когда тайное станет явным и сокрушительная правда разорвет мое сердце на части, я узнаю каждую деталь, каждое слово и каждую циничную улыбку той ночи.

В закрытом сигарном клубе на верхнем этаже старинного особняка неподалеку от Театральной площади стоял тяжелый, пряный полумрак.

Здесь пахло выдержанным торфяным виски, терпким дымом редких доминиканских сигар и вощенной кожей массив-

ных клубных кресел. За толстыми шторами из тяжелого темного бархата шумела ночная Москва, рассыпая по мокрому асфальту миллионы неоновых огней.

Роман Соколовский сидел в глубоком кожаном кресле с высокой спинкой, вытянув длинные ноги к пылающему камину.

Его безупречный сапфировый пиджак был небрежно брошен на спинку соседнего стула. Воротник тончайшей белой сорочки был расстегнут на три пуговицы, золотая булавка валялась на полированном столике из черного мрамора рядом с пузатым хрустальным бокалом, в котором таял тяже-

лый куб прозрачного льда. Роман пил крепкий шотландский молт четвертый час подряд, но алкоголь не брал его. В его крови яростным пламенем бушевала ярость, превращая виски в безвкусную горькую воду.

Каждое слово, брошенное строптивой переводчицей в мраморной галерее, сидело в его голове отравленной занозой. Портовый грузчик. Профессиональная безграмотность. Катается на шее министерства.

Ни одна женщина на планете не смела смотреть на него с таким абсолютным, вымораживающим душу презрением.

Двойные дубовые двери приватной курительной комнаты с глухим стуком распахнулись.

В комнату неторопливой, пружинистой походкой вошел Богдан Воронов.

Давний приятель, постоянный спарринг-партнер по ночным развлечениям и самый безжалостный соперник Романа в закрытых светских пари. Наследник крупнейшего банковского состояния, владелец собственной инвестиционной компании и признанный циник, для которого человеческие чувства были всего лишь строчками в биржевых котировках. Богдан был одет в черный кашемировый джемпер тончайшей вязки и темные брюки, а в его руке тонким золотым корпусом поблескивал новенький смартфон.

На холеном, насмешливом лице Воронова играла широкая, хищная улыбка сытого лиса.

— О, а вот и наш поверженный гладиатор паркетного

фронта, — протянул Богдан, со вкусом опускаясь в кресло напротив и бросая телефон на мраморный столик. — Слушай, Рома, я всегда знал, что дипломатия штука тонкая, но чтобы тебя раскатала в тонкий блин обычная переводчица с казенным пучком на затылке? Это просто триумф сезона. Весь город стоит на ушах. В закрытых каналах только и разговоров, как невидимая мышка прилюдно выпорола главного донжуана протокольного корпуса прямо под носом у замминистра.

Роман медленно повернул голову. Его глаза потемнели, зрачки сузились в две колючие точки.

— Закрой пасть, Богдан, — глухо процедил он, сжимая бокал так, что хрусталь жалобно скрипнул. — Я не в настроении слушать твое остроумие.

— Да брось ты, старик, правда глаза колет? — Богдан весело рассмеялся, откинувшись на мягкую кожу спинки. — Тебя задели за живое. Ты же привык, что девицы при виде твоей фамилии и этого сапфирового пиджака сами падают штабелями и раскрывают объятия. А тут появилась девочка из реального мира, для которой твой статус пустой звук. Она препарировала тебя словно лягушку на уроке биологии. Ткнула носом в грамматику, указала на ошибки и выставила на мороз полным дураком. Ты ведь даже возразить ей ничего не смог. Стоял и обтекал на глазах у половины ведомства.

— Я просто не стал устраивать базар в присутствии иностранцев, — с ледяной яростью бросил Роман, залпом допи-

вая остатки янтарной жидкости. — Эта серая зануда возомнила себя королевой языка. Обычная закомплексованная сухариха в строгом костюме, которая сублимирует отсутствие личной жизни в зубренку словарей. Захочу, и через две недели она будет заглядывать мне в рот и ловить каждое мое слово.

Богдан подался вперед. В его глазах вспыхнул темный, азартный огонек заправского игрока.

— Через две недели? — Воронов ядовито хмыкнул, покачав головой. — Не смей меня, Рома. Ты к ней даже на пушечный выстрел подойти не сможешь. Она тебя за километр видит насквозь и презирает всеми фибрами души. Ты для нее пустое место с папиной карточкой. Ты боишься ее. Боишься, что при следующей попытке закрутить роман она снова выставит тебя посмешищем.

— Я никого не боюсь, — прорычал Соколовский, подавшись навстречу сопернику. — И меньше всего на свете я боюсь девчонки со словарем.

— А давай проверим на деле, — негромко, вкрадчиво произнес Богдан, и в его голосе прорезался металл. — Хватит сотрясать воздух пьяными угрозами. Давай сыграем взрослому. Ставка против ставки.

В приватной комнате повисла напряженная тишина. Лишь поленья в камине глухо потрескивали, рассыпая алые искры.

— Какие условия? — глухо спросил Роман, буравя взгля-

дом приятеля.

— Условия простые и жесткие, — Богдан вальяжно скрестил пальцы на колене. — Срок ровно тридцать календарных дней. Ты находишь способ подобраться к этой неприступной Надежде Лебедевой. Ломаешь ее ледяную оборону, заставляешь ее влюбиться в тебя без памяти и приводишь к безоговорочной капитуляции. Финальное доказательство победы должно быть неоспоримым. До истечения тридцатого дня она должна либо публично признаться тебе в любви перед всем нашим кругом на заключительном дипломатическом приеме на Спиридоновке, либо ты предоставишь мне аудиозапись с ее собственным искренним признанием. Никаких денег, никаких прямых подкупов, никакого физического давления. Только чистая победа твоего мужского обаяния над ее неприступной гордостью.

Роман подвинул пустой бокал к Богдану, словно предлагая наполнить его за будущую победу.

— А что на кону, Богдан? На какую безделушку ты готов раскошелиться?

Богдан медленно полез в карман брюк и выложил на черный мрамор столика тяжелую пластиковую карточку с золотым тиснением и гербом.

— Моя новая приватная вилла на Черноморском побережье в Сочи, — четко, отдельно произнес Воронов. — Три гектара реликтового парка, собственный закрытый галечный пляж, причал для яхт, вертолетная площадка и дом из бе-

лого камня по индивидуальному проекту итальянского бюро. Рыночная цена объекта двенадцать миллионов евро. Ты пускал на нее слюни все прошлое лето. Она твоя, если через тридцать дней эта строптивая переводчица капитулирует.

Роман замер, глядя на золотую карточку владения. Ставка была колоссальной даже для их избалованного круга.

— А с моей стороны? — тихо спросил атташе.

Богдан посмотрел на левое запястье Соколовского, где тускло светился циферблат старинного хронометра.

— Твоя фамильная антикварная коллекция часов, — безжалостно отчеканил Богдан. — Все шестнадцать раритетов восемнадцатого и девятнадцатого веков, которые твой прадед-посланник собирал по европейским аукционам. И главное, тот самый золотой карманный хронометр мастера Бреге с минутным репетиром и турбийоном, подаренный Александром Первым твоему предку за Венский конгресс. Ты трясешься над этой шкатулкой как над святыней. Ставь ее на кон, если действительно уверен в себе. Или прямо сейчас признай перед всем клубом, что ты испугался строгой переводчицы и готов навсегда остаться в статусе мальчика для битья.

В висках Романа бешено застучала кровь.

Поставить на карту родовую реликвию, память нескольких поколений дипломатической династии Соколовских было чистейшим безумием. Потеря этих часов означала несмыслимый позор перед отцом и всем семейным кланом.

Но мысль о том, чтобы отказаться от вызова, расписаться в собственной слабости и навеки стать объектом ядовитых насмешек светской Москвы, показалась атташе куда страшнее любой финансовой потери. Перед его внутренним взором снова вспыхнули насмешливые серые глаза Нади Лебедевой и ее ледяные губы, отчеканившие приговор его гордости.

Желание сломать эту неприступную крепость, заставить эту гордую женщину смотреть на него с трепетом и мольбой захлестнуло его разум горячей, неодолимой волной.

Роман резко выпрямился, протянул руку вперед и с глухим, костяным стуком обрушил ладонь на ладонь Воронова.

— По рукам, Богдан! Готовь дарственную на свою черноморскую виллу! Через тридцать дней эта святоша будет стоять на коленях и умолять о поцелуе!

Богдан довольно оскалился, крепко сжимая пальцы соперника.

— Время пошло, дипломат. Ровно тридцать дней. Обратный отсчет запущен прямо сейчас.

Глава 5

Роман не стал медлить ни секунды. Он выдернул ладонь, схватил со стола свой телефон и набрал номер начальника секретариата отца.

— Слушай меня внимательно, — отрывисто, с властной хрипотой бросил он в трубку. — Завтра к девяти утра на стол отца должно лечь распоряжение о создании совместной рабочей группы по закрытым французским архивным консультациям. База размещения Дом приемов на Спиридоновке. Руководителем группы назначаюсь я. И найди способ прикрепить ко мне личным старшим переводчиком-экспертом Надежду Лебедеву из лингвистического департамента. Приказ оформить высшей категорией служебной необходимости без права отказа. Выполняй.

Утро следующего дня встретило столицу плотным, холодным осенним туманом, окутавшим старинные переулки Пресни и Патриарших прудов сырой серебристой дымкой.

Ровно в восемь сорок пять утра я поднялась по широким гранитным ступеням знаменитого неоготического особняка на Спиридоновке.

Дом приемов министерства иностранных дел, возведенный в конце девятнадцатого столетия гением архитектора Федора Шехтеля для Саввы Морозова, всегда казался мне неприступной каменной крепостью. Стрельчатые витраж-

ные окна, остроконечные башенки, резные каменные химеры на водостоках и массивные дубовые двери с коваными железными накладками. Внутри этого дворца витал ни с чем не сравнимый дух вековой государственной тайны, дорогой полироли, старинного дуба и вечной аппаратной прохлады. Здесь десятилетиями решались судьбы послевоенного мира, велись секретные консультации ядерных держав и подписывались документы, менявшие очертания континентов.

Я стряхнула с воротника своего шерстяного пальто капли тумана, предъявила офицеру комендатуры служебное удостоверение с золоченым тиснением и прошла сквозь рамку металлодетектора.

Меня вызвали срочным звонком. Еще в половине восьмого утра на мой личный номер позвонил секретарь директора департамента лингвистического обеспечения и без объяснения причин приказал явиться в кабинет руководителя на Спиридоновке ровно к девяти ноль-ноль.

Поднявшись по широкой беломраморной лестнице под своды резного готического холла, я постучала в тяжелую дубовую дверь с медной табличкой.

— Войдите, Надежда Николаевна, — раздался из-за двери сухой, усталый голос.

Я толкнула массивное полотно и переступила порог просторного кабинета с высокими потолками, обшитыми темными дубовыми панелями.

За циклопических размеров письменным столом из карельской березы сидел Павел Сергеевич Воропаев. Директор нашего департамента, опытнейший аппаратчик старой советской школы, чье суровое, изборожденное глубокими морщинами лицо внушало трепет трем поколениям дипломатических переводчиков. Он снял очки для чтения в тонкой металлической оправе, положил их на толстую пачку документов и внимательно, с нескрываемой тревогой посмотрел на меня из-под насупленных бровей.

— Присаживайтесь, Надежда, — негромко произнес он, указав сухой ладонью на массивное кожаное кресло с гербовым тиснением. — Разговор предстоит непростой.

Я опустила в кресло, положив руки на колени и сохраняя безупречно прямую осанку.

— Слушаю вас, Павел Сергеевич. Что-то случилось с согласованием вчерашнего протокола? Французская сторона выставила новые претензии?

Воропаев тяжело вздохнул, достал из кармана пиджака серебряную таблетницу, извлек капсулу и запил ее глотком остывшего чая.

— Если бы дело было только в претензиях, Надежда. Вчерашний твой маневр в Колонном зале уже дошел до самого верха. Граф де ла Рош лично выразил нашему министру восхищение высочайшим уровнем лингвистической подготовки советской, то есть российской школы. Старик был искренне очарован тем, как виртуозно была подана позиция ведомства. Но именно это твое блестящее выступление и затянуло на твоей шее железную петлю.

Директор пододвинул ко мне через полированную столешницу толстую синюю папку с красной полосой срочной служебной категории.

Я протянула руку, открыла папку и пробежала глазами по свежеотпечатанным строчкам министерского приказа.

С первых же слов сердце мое пропустило глухой, тяжелый удар, а к горлу подступил ледяной ком.

В документе черным по белому значилось следующее. В целях безусловной реализации достигнутых на саммите договоренностей и подготовки окончательного текста ге-

нерального соглашения о возвращении культурных ценностей сформировать специальную рабочую группу по закрытым консультациям с французской экспертной миссией. Местом проведения тридцатидневного переговорного марафона определить Дом приемов на Спиридоновке. Руководителем рабочей группы со стороны департамента государственного протокола назначить атташе Соколовского Романа Александровича. Персональным старшим переводчиком-экспертом и личным координатором рабочей группы на весь тридцатидневный срок командировать Лебедеву Надежду Николаевну.

Внизу листа синел гербовый штамп и стояла широкая, размашистая подпись заместителя министра. Отца Романа.

Пальцы мои на краю папки мелко дрогнули.

— Павел Сергеевич... — глухо произнесла я, поднимая взгляд на директора. — Вы же прекрасно знаете, что произошло вчера в галерее. Этот человек вчера едва не сорвал международные переговоры своей хамской выходкой и затем устроил скандал. Я не могу работать с ним в одном помещении. Это явная, неприкрытая провокация. Направьте на Спиридоновку Аркадия Семеновича или Катю Васильеву из второго отдела!

Воропаев покачал головой с горьким сочувствием.

— Аркадий Семенович вчера после заседания слег с сердечным приступом, Надежда. Скорая увезла его прямо из дома в кардиологию на Пироговке. Слава богу, инфаркта нет,

но врачи категорически запретили ему любые нагрузки до конца месяца. А Васильева... Сама знаешь, Катя прекрасный референт, но на закрытых экспертных торгах по музейным раритетам французы сожрут ее за три минуты вместе с туфлями. Де ла Рош поставил жесткое условие. Переговоры состоятся только в том случае, если с нашей стороны за столом будет сидеть тот самый специалист, который вчера вел синхрон в Колонном зале. То есть ты.

Директор тяжело оперся локтями о стол и подался ко мне. — Надя, милая, пойми масштаб катастрофы. Если ты прямо сейчас положишь на стол рапорт об отказе, это будет квалифицировано как срыв правительственного поручения особой государственной важности. Отец Соколовского только этого и ждет. Тебя снимут с дипломатического пула в двадцать четыре часа, лишат высшего ранга и закроют доступ во все международные организации. Ты всю жизнь положила на эту профессию. Ты лучший синхронист страны. Неужели ты позволишь избалованному мажору растоптать твое призвание одним росчерком пера?

В висках гудело от ярости. Ловушка захлопнулась с идеальной, безжалостной точностью. Соколовский использовал колоссальный административный ресурс своей семьи, чтобы загнать меня в угол. Тридцать дней. Тридцать дней в одном замкнутом пространстве старинного особняка под его непосредственным началом.

В этот самый момент тяжелая дубовая дверь кабинета бес-

шумно приоткрылась.

На пороге возник виновник надвигающегося кошмара.

Роман Соколовский выглядел так, словно вчерашнего публичного позора в Колонном зале никогда не существовало в природе. На нем был надет безупречный двубортный костюм графитового цвета от лучших итальянских мастеров, белоснежная сорочка с идеальной стойкой и темно-бордовый шелковый галстук. Он провел рукой по темным волосам, поправляя выбившуюся прядь, и только после этого посмотрел на меня. На левом запястье атташе победно поблескивал массивный золотой корпус фамильного «Бреге».

Его взгляд скользнул по моей напряженной спине, и на красивых, четко очерченных губах расцвела сытая, торжествующая ухмылка победителя, загнавшего дичь в расставленные силки.

— Доброе утро, Павел Сергеевич, — произнес Роман своим глубоким, бархатным баритоном, небрежно переступая порог и закрывая за собой дверь. — Прошу прощения за легкое опоздание. Утренние пробки на Садовом кольце сегодня просто чудовищные. Надеюсь, Надежда Николаевна уже ознакомилась с приказом руководства?

Он подошел к столу легкой, хозяйской походкой и встал рядом с моим креслом, намеренно нарушая личное пространство. От него снова пахло горьковатым шафраном, сухим деревом и дорогим табаком.

Я медленно поднялась на ноги.

Мы оказались лицом к лицу. Мой взгляд встретился с его насмешливыми карими глазами. В их глубине плясали темные, торжествующие чертики. Он буквально наслаждался моим бессилием, ожидая слез, мольбы о переводе или унижительной капитуляции.

Но Роман Соколовский слишком плохо знал женщин, которые привыкли выживать в жестком мире синхронного перевода.

Глава 6

Я повернула папку приказом к Воропаеву. Соколовский ждал моей просьбы об освобождении; я улыбнулась ему той вежливой улыбкой, с которой делегациям предъявляют встречные условия.

— Приказ я прочитала, господин атташе, — произнесла я, указав на подпись под приказом. — И я принимаю это назначение. Защита интересов государства и сохранение национального культурного достояния для меня всегда стояли неизмеримо выше личных антипатий и капризов случайных попутчиков.

Уверенная ухмылка на лице Романа слегка остыла. В его взгляде мелькнуло мимолетное удивление.

Я повернулась к Воропаеву, открыла свою рабочую папку и вынула два чистых листа. После вчерашней угрозы я всю дорогу перебирала условия, при которых соглашусь иметь с Соколовским дело. Теперь оставалось записать их.

— Однако, Павел Сергеевич, ввиду чрезвычайной сложности проекта, я требую утвердить встречный протокольный регламент взаимодействия внутри рабочей группы.

Воропаев с любопытством поднял бровь. Роман напрягся, его плечи под графитовым сукном пиджака окаменели.

— Изложите ваши пункты, Надежда Николаевна, — попросил директор.

Я сделала полшага назад, четко очерчивая границу, и начала чеканить свои условия, глядя исключительно на Соколовского —

— Пункт первый. Физическая дистанция. Протокольная дистанция вытянутой руки соблюдается господином руководителем группы неукоснительно и в любых обстоятельствах. Никаких случайных прикосновений, никаких попыток сокращения пространства в коридорах и переговорных залах.

Желваки на скулах Романа нервно дернулись.

— Пункт второй, — продолжала я, повысив голос на полтона. — Временной и пространственный регламент. Общение между нами происходит строго с девяти ноль-ноль до восемнадцати ноль-ноль исключительно в официальных переговорных комнатах Дома приемов в присутствии членов французской делегации либо протокольной группы. Любые рабочие контакты за пределами этих стен, включая неформальные ужины, кофе-паузы тет-а-тет, вечерние звонки или визиты, приравниваются к нарушению служебной этики и влекут мой немедленный рапорт на имя министра с фиксацией домогательств на рабочем месте.

Соколовский шумно втянул носом воздух. Его пальцы, сжимавшие кожаную папку, побелели.

— Ты с ума сошла? — глухо, с угрозой процедил он сквозь зубы. — Какие домогательства? Ты в своем уме, Лебедева?

— Надежда Николаевна, господин атташе, — невозмутимо поправила я, даже не моргнув. — Это пункт третий

нашего регламента. Обращение между нами ведется исключительно по имени и отчеству, на «вы» и в строгом соответствии с дипломатическим рангом. Никаких фамильярностей, никакого дворового жаргона и никаких попыток лингвистической самодеятельности. Все реплики нашей стороны на французском языке предварительно визируются мной в письменном виде. Без моей подписи ни одно ваше слово не выходит за рамки служебных записок.

В кабинете повисла звенящая тишина.

Я записала три пункта и переписала их на второй лист. Пока Соколовский читал, Воропаев дополнил условия строкой: сверхурочная работа — по отдельному согласованию и с моего согласия. Старый дипломат с трудом сдержал усмешку в седых усах.

— Пункты разумные, обоснованные и полностью соответствуют духу строгой государственной дисциплины, — веско произнес Воропаев, решительно беря массивную перьевую ручку.

Директор размашисто расписался на обоих экземплярах и с глухим стуком припечатал бумагу круглой гербовой печатью департамента.

Один экземпляр он оставил у себя, а второй протянул мне.

— Регламент утвержден и вступает в силу немедленно. Приступайте к исполнению обязанностей, коллеги. Французская делегация прибывает на Спиридоновку завтра ровно в десять утра.

Я приняла заверенный документ, аккуратно убрала его в кожаную папку и защелкнула стальной замок.

Затем повернулась к застывшему атташе.

Роман смотрел на меня взглядом раненого тигра. Его темные глаза пылали неистовой смесью ярости, уязвленной гордости и внезапного, незнакомого ему доселе азарта. Он понял, что простая девчонка из стеклянной будки вовсе не испугалась его капкана. Она намертво связала его по рукам и ногам его же собственными должностными цепями. Вся его самоуверенная стратегия легкого соблазнения разбилась о гранитный монолит официального регламента.

Тридцать дней. Часики его фамильной антикварной коллекции уже начали свой неумолимый ход, отсчитывая секунды до момента, когда раритетный золотой хронометр прадеда может навсегда уйти в чужие руки.

— До завтра, господин атташе, — с ледяной вежливостью произнесла я, слегка наклонив голову. — Ровно в девять ноль-ноль на крыльце Дома приемов. И не опаздывайте. Я крайне не люблю непунктуальных начальников.

Я дошла до двери, уже прикидывая, кому из секретариата отправить копию. Подпись директора следовало превратить в рабочий порядок до первой же попытки Соколовского его обойти.

За моей спиной тишину старинного особняка разорвал глухой, тяжелый стук кулака Романа Соколовского, в бесильном бешенстве обрушившегося на край дубового стола.

Первый раунд остался за мной. Но впереди нас ждали тридцать дней жестокой, изнурительной войны нервов под готическими сводами особняка на Спиридоновке. И я была готова драться до победного конца.

Смоленская-Сенная площадь встретила меня колючим, пронизывающим до самых костей осенним ветром. Низкие свинцовые тучи цеплялись за граненый шпиль высотки Министерства иностранных дел, словно клочья промокшей серой парусины. Вокруг огромного гранитного портала кружили в плотном утреннем водовороте дипломаты в темных пальто, референты с туго набитыми кожаными портфелями и молчаливые офицеры комендантской охраны. Мелкая водяная пыль оседала на полированном граните ступеней, превращая спешащих людей в размытые темные силуэты.

Я поглубже спрятала подбородок в шерстяной шарф и крепче перехватила ремень рабочей сумки. Внутри лежали мои главные инструменты, без которых я не мыслила своей профессиональной жизни. Профессиональные наушники синхрониста с тонким упругим оголовьем и мягкими амбушюрами, узкий блокнот со скорописью, где на плотных белых листах теснились причудливые значки стенографических сокращений, стрелки смысловых связей и фигурные скобки оговорок, а также любимая перьевая ручка с тяжелым стальным пером, заправленная темно-фиолетовыми чернилами.

За два дня на Спиридоновке я успела оценить пользу соб-

ственного регламента. Роман подавал тексты заранее, обращался ко мне по отчеству и всякий раз произносил его с таким нажимом, словно собирался обвинить мои родителей в чрезмерной любви к длинным именам. Я визировала формулировки и возвращала листы. Вчера он впервые спросил, почему я исправила именно этот оборот. Пришлось задержаться над объяснением — уже по моей воле.

Наутро французская делегация собиралась предъявить последнее возражение к соглашению об архивных фондах. Обычные консультации на Спиридоновке пришлось прервать: историки обнаружили разночтение в старой описи, на которую ссылались обе стороны. До вечера требовалось сверить ее с подлинной перепиской.

Накануне начальник Историко-документального департамента передал мне служебную папку. В переписке русских послов после Парижского конгресса 1856 года упоминалась передача усадебного собрания на хранение французским попечителям. В цифровой копии временное хранение превратилось в бессрочное владение. Нам предстояло поднять из спецхрана подлинные депеши Орлова, Киселева и Горчакова: выцветший посольский курсив, орешковые чернила, поправки на полях.

А самое сокрушительное известие ждало меня в третьем пункте служебного предписания.

В качестве временного технического помощника для разбора архивных фондов ко мне прикомандировали атташе

Департамента государственного протокола Романа Соколовского.

Того самого Соколовского, которого я три дня назад отчитала в мраморной галерее Колонного зала. Руководить группой он продолжал, но порядок обращения с архивом определяла я. Воропаев вписал это в дополнительное поручение и отправил нам обоим. Роман ответил одним словом: «Ознакомлен». Даже в письме оно прозвучало сквозь зубы.

Я спустилась по широкой гранитной лестнице в цокольный этаж, приложила электронный пропуск к считывателю турникета и толкнула тяжелую дубовую дверь архивного спецхрана.

Пожилой дежурный архивариус Семен Ильич поднял седую голову от учетного журнала, поправил роговые очки на переносье и сочувственно покачал головой —

— Проходи, Надежда Николаевна. Распоряжение по твоему фонду поступило еще на рассвете. Шестой сектор, фонд тридцать восемь. Но учти, там вековая пыль, дела не поднимали с советских времен. И береги исторические автографы.

— Спасибо, Семен Ильич, за фонды не беспокойтесь, — тепло улыбнулась я, расписываясь в журнале доступа. — Мы вернем все в идеальном порядке.

В огромном хранилище царило вековое, гулкое безмолвие.

Помещение с высокими сводчатыми потолками тонуло в полумраке. Вдоль стен уходили под самый потолок пятиметровые резные стеллажи из темного мореного дуба, заставленные бесконечными рядами серых архивных коробок, толстых переплетенных реестров и связок пожелтевших дел. В прохладном, сухом воздухе книгохранилища стоял ни с чем не сравнимый аромат минувших эпох. Терпкий запах ветошной тряпичной бумаги, нотки натурального вишневого сургуча, сухого столярного клея и застывшей книжной пыли. На массивных дубовых столах для исследователей дремали старинные лампы с темно-зелеными стеклянными плафонами, отбрасывавшими ровные изумрудные пятна на полиро-

ванное сукно.

Я сняла пальто, повесила его на плечики в узкий металлический шкаф и взглянула на круглые бронзовые часы над арочным входом.

Стрелки показывали ровно девять утра.

Тяжелая дубовая створка с глухим скрипом отворилась, и в благоговейную тишину зала ворвался шум чужих шагов.

В архив вошел Роман Соколовский.

Он двигался той самой валяжной, скользящей походкой избалованного светского хищника, которая с первой секунды нашего знакомства вызывала во мне непреодолимое желание опустить перед его носом шлагбаум. На нем было расстегнутое кашемировое пальто верблюжьего оттенка, безупречно сшитый темно-синий шерстяной костюм тончайшей итальянской шерсти и белоснежная сорочка индивидуального пошива с расстегнутым у горла воротником. На загорелом запястье холодным золотым блеском переливался массивный швейцарский хронограф на тяжелом металлическом браслете. В воздухе вокруг него поплыла густая, теплая волна шлейфового мужского парфюма с нотами кедра, мускатного ореха и сухого табака.

На холеном породистом лице застыло выражение ленивой светской скуки. В длинных ухоженных пальцах он лениво покручивал тонкий золотистый смартфон последней модели.

— Доброе утро, Надежда Николаевна, — протянул он

бархатным, глубоким баритоном, в котором звенела неприкрытая светская насмешка. — Надеюсь, вы не слишком истосковались в этом готическом подземелье без общества живых людей? Мне передали, что министерское начальство решило подвергнуть меня суровому воспитанию и приставить к вам в качестве личного пажа. Я готов проявить истинно христианское милосердие и забыть нашу прошлую перепалку. Предлагаю разумный компромисс. Мы прямо сейчас заказываем сюда горячий завтрак и нормальный кофе из кондитерской на Арбате, а эту вековую труху сгружаем на плечи штатных архивных практикантов. За мой счет, разумеется.

Глава 7

Я медленно оторвала взгляд от журнала учета фондов, положила перьевую ручку на хрустальную подставку и скрестила руки на груди. Мой взгляд скользнул по его безупречным стрелкам на брюках, по шелковому платку в нагрудном кармане и остановился на его самодовольных темных глазах.

— Доброе утро, Роман Александрович. Начнем с базовых дипломатических реалий. Во-первых, документы, хранящиеся в этом зале, обладают статусом государственной тайны особой важности, а вовсе не трухи. Во-вторых, штатные архивисты не обязаны владеть французской скорописью девятнадцатого века и расшифровывать почерк послов императора Наполеона Третьего. В-третьих, вы прибыли сюда вовсе не в качестве почетного гостя или щедрого мецената, но в статусе младшего технического помощника.

Роман насмешливо прищурился, сделал шаг вперед и небрежно оперся ладонью о край моего дубового стола. Он наклонился так близко, что я отчетливо увидела крошечную золотистую крапинку в радужке его правого глаза и почувствовала тепло его дыхания на своей щеке.

— Бросьте, Надежда, — тихо произнес он, понизив голос до вкрадчивого шепота, от которого обычно теряли рассудок debutантки на светских раутах в Метрополе. — Вы ведь взрослая, практичная девушка. Неужели вы всерьез думаете

те заставить меня таскать пыльные коробки? Одно мое слово первому заместителю министра, и нас обоих отпустят по домам с министерской благодарностью за примерное выполнение задания. Зачем разыгрывать эту дешевую педагогическую драму?

Внутри меня всколыхнулась холодная, прозрачная злость. Вся эта порода золотых мальчиков искренне полагала, что любые правила в этом мире созданы исключительно для низших чинов, а их родословная дает право презирать честный профессиональный труд.

— Во-первых, господин атташе, уберите руки с архивного стола, полировка тысяча восемьсот восьмидесятого года не переносит следов дорогого лосьона после бритья, — отекала я ледяным голосом. — Во-вторых, если ваш благородный гнев так силен, можете звонить прямо сейчас хоть министру, хоть председателю правительства. Однако служебную аттестацию по итогам сегодняшней смены подписываю лично я. Если в бланке появится формулировка о полной профнепригодности атташе Соколовского к полевой протокольной работе с первоисточниками, ваша обещанная осенью долгосрочная командировка в Женеву накроется медным тазом. Вместо Швейцарии вас распределят третьим секретарем в консульский пункт за полярным кругом. Будете заверять визы для оленеводов при температуре минус сорок пять градусов.

Улыбка мгновенно сползла с его лица.

Роман выпрямился во весь свой немалый рост. Его темные глаза полыхнули искренним возмущением, челюсти сжались так, что на скулах проступили твердые узлы мышц. Он явно не ожидал, что хрупкая девушка в строгой шерстяной юбке и сером джемпере станет говорить с ним на языке жестких ультиматумов.

— Вы невероятно мстительны, Надежда Николаевна, — сквозь зубы процедил он.

— Я просто добросовестно выполняю служебную инструкцию, Роман Александрович. А теперь перейдем к технике безопасности и правилам внутреннего распорядка. Правило первое. Полная цифровая изоляция. Положите ваш телефон в ячейку номер семь.

Я выдвинула ящик стола и положила перед ним тяжелый латунный ключ с номерком.

Роман посмотрел на блестящий золотистый корпус своего аппарата, затем на меня. В его взгляде читалась ярость загнанного в угол светского волка. Для человека его круга расстаться со смартфоном означало лишиться связи с внешним миром, биржевыми котировками, закрытыми клубными чатами и постоянным потоком светских сплетен. Но перспектива полярной тундры вместо европейских дипломатических приемов подействовала безотказно.

С глухим металлическим щелчком телефон исчез в сейфовой ячейке. Ключ со звоном упал на полированную столешницу.

— Телефон сдан, строгий комендант, — бросил он с саркастической усмешкой. — Что дальше по вашей программе перевоспитания?

— Правило второе, — я развернула перед ним торчащие из свертка завязки и достала из вещевого шкафа объемистый сверток из плотного темно-синего хлопчатобумажного полотна и опустила его на край стола. — Рабочая форма одежды и сохранение исторического фонда.

Роман брезгливо подцепил край ткани двумя пальцами и развернул сверток.

Его лицо вытянулось в неподдельном ужасе.

Перед ним покачивался длинный казенный халат на грубых завязках с двумя огромными накладными карманами на животе, сшитый из плотного темно-синего сатина. К халату прилагалась пачка тонких белых перчаток из хлопчатобумажного трикотажа.

— Вы надо мной издеваетесь? — глухо спросил он, оглядывая синее полотнище так, словно ему предложили надеть мешок из-под картошки. — Я не надену этот балахон портового грузчика. У меня костюм индивидуального пошива из шерсти викуны. Сорочка сшита в старейшем ателье на заказ.

— Ваш индивидуальный пошив покроется черной жирной архивной копотью через пять минут пребывания на верхнем ярусе стеллажей, — невозмутимо ответила я, надевая свои собственные белые перчатки. — На коробках фон-

да Крымской войны лежит вековая пыль московских отопительных сезонов. Выбирайте сами. Либо вы надеваете спецодежду, либо стираете сорочку за тысячу евро в раковине туалетной комнаты. Выбирайте. Через десять минут дежурный архивариус начнет выдачу дел.

Роман тяжело выдохнул, зажмурился на секунду, словно собираясь с духом перед прыжком в ледяную воду, и сдернул с плеч кашемировое пальто.

Его широкие плечи с явным скрипом швов протиснулись в узкие проймы казенного халата. Плотная сатиновая ткань натянулась на его мускулистой груди, тесемки завязались нелепым кривым узлом на боку, а белоснежные манжеты с золотыми запонками сиротливо выглядывали из коротковатых рукавов. Завершили этот блистательный наряд белые нитяные перчатки, которые с трудом налезли на его длинные пальцы, обнажая широкие запястья с тяжелым золотым хронографом.

Я прикусила изнутри нижнюю губу, чтобы не расхохотаться во весь голос. Первый красавец столичного дипломатического бомонда, гроза светских львиц и завсегдатай закрытых лож выглядел сейчас как неуклюжий санитар из районной поликлиники.

— Ну как, Надежда? Достаточно смиренно для младшего научного сотрудника? — с горькой усмешкой спросил он, картинно разведя руки в стороны.

— Вполне сносно для первого дня исправительных работ,

— мило улыбнулась я, беря в руки учетную ведомость. — А теперь за мной. Шестой сектор, фонд номер тридцать восемь. Начнем с подъема коробок с депешами графов Орлова и Киселева. И держите спину прямо, Роман. Вам сегодня предстоит множество неожиданных физических открытий.

Шестой сектор архива напоминал грандиозное ущелье между циклопическими утесами из темного мореного дуба. Стеллажи взмывали вверх на добрых пять метров, теряясь в густой тени сводчатого потолка. Вдоль полок тянулись начищенные стальные рельсы, по которым с глухим чугунным урчанием перекатывалась тяжелая передвижная стремянка с поручнями и площадкой наверху.

Я сверилась с пожелтевшей учетной карточкой и указала рукой на самый верхний ярус дальнего пролета.

— Фонд номер тридцать восемь, опись два, связки с сорочковой по сорок четвертую. Личная переписка чрезвычайного посла графа Орлова из Парижа за весну тысяча восемьсот пятьдесят шестого года. Каждый архивный короб весит около восьми килограммов. Снимайте предельно аккуратно, двумя руками, не допуская перекоса крышек. Тряпичная бумага очень хрупкая, а сургучные печати на конвертах крошатся от малейшего неосторожного движения.

Роман задрал голову, оглядывая высокую полку, и тяжело вздохнул. Его холеное лицо выражало смесь глубокого экзистенциального отчаяния и уязвленного мужского гонора.

— Вы сознательно выбрали полки под самым потолком, Надежда Николаевна? Признайтесь честно, вы просто жаждете увидеть, как атташе Соколовский с позором свернет себе шею на глазах у изумленной архивной общественности.

— Не приписывайте мне собственных кровожадных фантазий, Роман Александрович. — Я указала на номер нужной полки. — Вон ваша цель. Просто дипломатическая история нашей великой державы творилась на очень высоком уровне. Поднимайтесь наверх и не жалуйтесь. Если силы покинут вас на полпути, я могу вызвать дежурного электрика со страховочным поясом, но тогда слава о вашей физической немощи облетит весь МИД задолго до обеденного перерыва.

Слово «немошь» действовало словно удар рапиры.

Роман взялся за поручни. На третьей ступени пола халата зацепилась за колено; он поддержнул ее и оглянулся, проверяя, видела ли я. Я смотрела в ведомость — слишком старательно. Он хмыкнул и продолжил подъем. Под тонкой тканью двигались мышцы спины, и цифры в моей ведомости на мгновение потеряли смысл.

Добравшись до верхней площадки, он уперся ногами в перекладины, дотянулся до пыльного картонного короба и с усилием потянул его на себя.

— Первый пошел, — глухо бросил он сверху, осторожно спускаясь на три ступени вниз и передавая мне массивный серый ящик, перевязанный выцветшей льняной тесьмой.

От короба пахло сухой, въедливой волной вековой пыли, от которой в горле мгновенно запершило. Я приняла груз, аккуратно опустила его на сервировочную тележку и приготовилась принимать следующий.

Работа закипела. Один за другим Роман спускал с высоты тяжелые архивные массивы. Через сорок минут непрерывных подъемов и спусков его лоск начал стремительно растворяться в суровой реальности физического труда.

С его лба градом катился пот, смывая остатки утреннего парфюма. Идеальная челка промокла, растрепалась и налипла на виски. Белоснежные манжеты сорочки, неосмотрительно выбившиеся из рукавов халата, покрылись широкими серыми маслянистыми разводами вековой угольной га-

ри. Дыхание его стало тяжелым, прерывистым, но он упорно продолжал карабкаться по лестнице, не позволяя себе ни секунды передышки.

На пятом коробе раздался сухой металлический скрежет и тихий, яростный вскрик.

Роман замер на средней ступеньке стремянки, прижимая правую руку к груди и сдавленно ругаясь сквозь зубы на чистейшем французском языке.

— Что случилось? — встревоженно спросила я, подходя к подножию лестницы.

— Черт бы побрал эти средневековые кандалы! — прохрипел он, соскакивая на паркет и судорожно стягивая с правой руки белую нитяную перчатку.

Я подошла ближе, заглядывая через его широкое плечо.

На старинной картонной папке с золотым тиснением намертво заело тугую стальную скобу скоросшивателя, покрытую толстым налетом рыжей ржавчины. Роман попытался отжать металл большим пальцем, ржавая скоба сорвалась и с хрустом содрала край ногтя прямо под корень. На подушечке пальца медленно набухла темная, густая капля крови, пачкая край белоснежной сорочки.

— Мой салонный маникюр за бешеные деньги, — процедил он с неподдельной тоской во взгляде, разглядывая изувеченный палец. — Еще полчаса в этом прекрасном заведении, и я превращусь в однорукого инвалида без права выезда за границу.

Глава 8

Я не смогла сдержать короткой улыбки, но тут же придала лицу максимально строгое выражение.

— Не драматизируйте, господин атташе. Царапина на пальце еще ни разу в истории не приводила к ампутации. Стойте смирно и не капайте кровью на опись фонда особой важности.

Я быстро подошла к настенной аптечке первой помощи, достала флакон с перекисью водорода, ватные диски и рулончик бактерицидного пластыря. Вернувшись к столу, я взяла его пострадавшую ладонь в свои руки.

Его пальцы оказались горячими, твердыми и сильными. На подушечках явственно прощупывались плотные мозоли от фехтовальной рапиры и тяжелого руля автомобиля. Когда я прижала смоченный шипящей перекисью ватный диск к содранной коже, Роман едва заметно вздрогнул, но не отдернул руку.

Мы стояли в полуметре друг от друга под ровным изумрудным светом настольной лампы. В тишине хранилища было слышно лишь мерное гудение вентиляционных труб и тяжелый стук бронзового маятника настенных часов. Я чувствовала на своих опущенных ресницах его пристальный, обжигающий взгляд.

— У вас удивительно легкие и теплые руки, Надежда Николаевна, — тихо произнес он, и в его голосе впервые за все время нашего знакомства не прозвучало ни капли сарказма или насмешки. — Они совершенно не вяжутся с вашим суrowым характером беспощадного инквизитора.

— Профессиональный синхронный перевод требует предельной аккуратности, выдержки и абсолютного самообладания. — Я заклеила ранку телесным пластырем. Роман попробовал согнуть палец; я придержала край полоски, чтобы он приклеился. — Если психовать и дергаться при каждом неожиданном повороте чужой речи, в эфире начнется хаос. Готово. Можете надевать свежую перчатку и продолжать трудовые подвиги.

Роман посмотрел на свой заклеенный палец, затем медленно поднял глаза на меня. Уголок его губ дрогнул в кривой, но на сей раз удивительно открытой и теплой улыбке.

— Спасибо, сестра милосердия. Долг зафиксирован в моем личном протоколе.

Он натянул чистую перчатку и снова повернулся к высокой стремянке.

Оставался последний, самый массивный короб под номером сорок четыре. В нем хранилась секретная черновая переписка чрезвычайного посла графа Киселева с министром иностранных дел Франции графом Валуевским. Ящик стоял на самом краю верхней полки, зажатый между двумя тяжелыми томами дипломатического ежегодника.

Роман поднялся на верхнюю площадку стремянки. Его пальцы в белом трикотаже легли на край тяжелого короба.

— Осторожнее, Роман! — крикнула я снизу, заметив, что деревянный фиксатор нижнего колеса стремянки слегка сдвинулся на натертом мастикой скользком паркете. — Не тяните резко на себя, там центр тяжести смещен вправо!

Но было уже поздно.

Роман потянул тяжелый короб на себя. В этот самый миг металлическое колесо стремянки с противным визгом соскользнуло с гладкой паркетной плашки. Вся пятиметровая конструкция опасно накренилась вбок, затрещала и потеряла равновесие.

С полки сорвались запасные картонные обложки, взметнув тучу пыли.

— Берегись! — рявкнул Роман сверху.

Роман успел сдвинуть короб на широкую площадку стеллажа. Пока стремянка кренилась, он соскользнул по поручню, спрыгнул с нижних ступеней и бросился ко мне, сбивая с траектории падающего металла.

Мы покатались по широкому ворсистому ковру между массивными дубовыми столами в густом сером облаке взметнувшейся архивной пыли.

Грохот рухнувшей пустой стремянки раскатистым эхом ударил под сводами зала, тревожно звякнули хрустальные подвески старинной люстры под потолком, и наступила оглушительная, звенящая тишина.

Я лежала на спине на мягком ворсе, судорожно хватая ртом воздух и пытаюсь осознать, что произошло.

Прямо надо мной, нависая всем своим весом и упираясь левой ладонью у моего плеча, а правой возле талии, замер Роман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.